

Бойтесь пушкинистов

Константин КЕДРОВ

Главным жизнеописанием Пушкина давно уже стала книга Вересаева «Пушкин в жизни». Он первым нашел гениальное решение, как отделить правду от вымысла. Сведения непроверенные пометил одной звездочкой, сведения сомнительные — двумя. А явную фантастику, как коньяк, тремя звездами.

Среди явной фантастики — слухи о том, что Николай I умирал с медальоном на шее, где якобы было изображение Натали. В тот же раздел попали слухи о существовании такого медальона во дворце императора.

Народная молва еще при жизни поэта намертво связала его семью с императорской фамилией. Возникли и до сих пор муссируются слухи о тайной связи с Пушкиным самой императрицы. Серьезные исследователи никогда не опровергали и не комментировали такие гипотезы. В советское время стало модно каждый интимный поцелуй Пушкина рассматривать, как вызов самодержавию. Школьные да и вузовские учебники были полны туманными намеками на политический смысл роковой дуэли. Мол, царь специально подготовил усыновленного голландским послом Дантеса ухаживать за женой Пушкина, дабы окончательно погубить поэта.

На самом деле император личным вмешательством предотвратил первую дуэль Пушкина с Дантесом и фактически вынудил его жениться на сестре Натали Екатерине, чтобы

развеем все подозрения. Дантес на это пошел. И мало того, брак оказался вполне счастливым, настоящим, на всю оставшуюся жизнь.

Никто не знает, удалось ли Дантесу добиться интимной благосклонности Натали. Вересаев пометил звездочками все слухи о тайном свидании на квартире Полетики. Несомненно лишь одно: по свидетельству Жуковского, Карамзина и многих близких к Пушкину людей, его жена действительно была влюблена в Дантеса. А Дантес действительно за ней ухаживал.

Еще работая над кандидатской диссертацией о Пушкине, я заметил удивительную симметрию слухов. Дантесу молва приписывала связь с двумя сестрами. А Пушкину молва сосватала другую сестру Пушкина — Александру. Якобы даже в постели поэта был найден ее золотой крестик. Разумеется, и эти «сведения» Вересаев пометил звездочками.

Поразительно, но о дуэли Пушкина написано на порядок больше, чем о его поэзии. Люди, которые не в состоянии процитировать и двух строк поэта, «знают» во всех подробностях его альковные тайны. Да так, словно рядышком со свечой, пардон, с канделябром стояли. В любом случае принято было клеймить Наталью Николаевну за недостойное поведение. Не справилась с номенклатурной должностью жены классика, не оправдала народного доверия.

Однажды Борис Пастернак слушал, слушал гневные филиппики в адрес Гончаровой, а потом не выдержал и сказал:

«Все правильно! Надо было Пушкину жениться на пушкинисте. Тот уж точно не изменил бы поэту, и не было бы роковой дуэли».

Долгие годы «Пушкин в жизни» был неиздаваемым и полузапрещенным. Книгу и сейчас прочли далеко не все. А кто прочел, тот не очень-то обращал внимание на пресловутые звездочки осторожного и добросовестного писателя. Знал бы Вересаев, сколько мифов породит его документально-фантастический труд.

Мифологизация Пушкина началась с печально известного некролога: «Закатилось солнце русской поэзии...». Был Людовик, король-солнце, был Владимир — Красно Солнышко, и вот эстафетная палочка солидарного мифологического героя перешла к Александру Сергеевичу.

Как это делалось, блистательно показал Гоголь в «Ревизоре»: с Пушкиным на дружеской ноге и легкость в мыслях необыкновенная. Именно такова методика создания новых и новых мифов вокруг поэта. Абсурдность ситуации лучше всех уловил Хармс в своих анекдотах из жизни Пушкина. Но Хармса расстреляли, а его пушкиниану запретили. Теперь главным мифотворцем стал Сталин. Он лично следил за академическими изданиями, выходящими к 100-летию со дня смерти поэта. Приказал выкинуть все комментарии и примечания пушкинистов и поистине удивил мир академическим изданием без научного аппарата.

Все «комментарии» были отданы советскому агитпропу. Мой научный руководитель, профессор Валерий Яковлевич

Кирпотин по личному приказу Сталина за одну ночь написал книгу «Наследие Пушкина и коммунизм», после которой великого поэта можно было смело принимать в партию большевиков. Все дальнейшие монографии и труды о Пушкине советской эпохи лепились по образцу этой книги. Валерий Яковлевич был умен и талантлив. Позднее он пострадал за труды о крайне нежелательном Достоевском. И это несмотря на то, что и Достоевский у Кирпотина вполне тянул на кандидата в члены все той же партии.

После 1991 года из Пушкина стали лепить православного монархиста. О поэте, называвшем себя «афеєм» (атеистом), авторе «Гавриилиады», «Тени Баркова» и «Сказки о царе Никите», стали говорить с придыханием, как о монахе-отшельнике. На самом деле в зрелые

годы Пушкин отказался от прямого атеизма. Фразу «разумом я атеист, но сердце противится» он переиначил: «Сердцем я атеист, но разум противится». Поэт назвал Новый Завет великой книгой, которую человечество будет читать и перечитывать до конца истории. Но только закоренелый лжец может назвать поэта воцерковленным только потому, что он, уступая просьбам жены, перед смертью причастился.

Умирая, Пушкин просил Жуковского передать Николаю I, что «если бы был жив, был бы весь его». Эти предсмертные слова поэта, конечно, полностью исключают возможность серьезного соперничества из-за Натали между императором и поэтом. Заподозрить религиозного, глубоко верующего Жуковского во лжи было бы глумлением и кощунством над памятью двух поэтов, чья поэзия составляет славу России.

Свой Пушкин есть у Ахматовой, у Цветаевой, у Блока. Но, пожалуй, именно Блок нашел самые верные слова. В своей пушкинской речи он сказал: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин... Мы знаем Пушкина — человека, Пушкина — друга монархии, Пушкина — друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт».

«Бойтесь пушкинистов. Старомозгий Плюшкин, / перышко держа, ползет с перержавленным», — писал когда-то Маяковский. Сегодня это предостережение стало еще актуальнее.

Пушкин и др. С

10.06.04